

## Сергей Ковалев Тапер

<http://lib.rus.ec/b/188928>

## Сергей Ковалев Тапер

Он устало опустился на диван, прижался к прохладной коже щекой.

Внизу прислуга тихо переговаривалась, убирая со столов следы поминального обеда.

Шелковые розовые обои, несколько вполне приличных картин на стене. Мама всегда любила пейзажи. Даже в их комнате в коммуналке на стенах висели «репродукции» в самодельных рамках из картона, аккуратно вырезанные ею из «Огонька».

Мама... Он прислушался к себе, но не почувствовал горя. Сколько же они не виделись?

С тех пор, как он поступил в консерваторию, визиты в родной город сократились до двух в год — на дни рождения родителей. А потом, после смерти отца — до одного. В последние несколько лет их все чаще заменял телефонный звонок. Он, наверное, любил родителей, но...

Сделать карьеру музыканта, не имея знакомых в столичной богемке, да еще выходцу из презренного мещанского класса — это требовало напряжения всех сил, рационального использования каждой отпущенной минуты.

Как только у него появились деньги — настоящие деньги — он купил для мамы дом. Именно такой, о котором они когда-то мечтали после очередной кухонной войны с соседями по коммунальному аду. Совсем не пафосный, но очень уютный дом. Двухэтажный, с небольшим садом, на берегу моря. Он и дальше постоянно засыпал ее дорогими подарками, отправлял на лучшие курорты, нанял лучшую прислугу, а потом... потом — лучших врачей.

Но горя сейчас не чувствовал. И даже не мог вспомнить ее лица. Это его пугало и злило...

Вскочил, прошелся вдоль книжных полок, мельком читая корешки поклет-буков — Маринина, Донцова, Устинова... Бред, бред! Мать Величайшего Скрипача эпохи любила низкопробное бульварное чтиво — какой соблазнительный скандал! К счастью, корреспондентам ход сюда заказан...

А! Вот! Толстый том в потрескавшемся переплете из дерматина — семейный альбом.

Великий Скрипач нетерпеливо раскрыл его прямо на столике перед трельяжем, скорчившись в неудобной позе, торопясь подтолкнуть забуксовавшую память.

Отец... Давнишний снимок, где он у какого-то памятника: где? кому?.

Опять отец — групповая фотография его бригады. Мама — совсем молодая, в смешной форме кондуктора.

Мама. Недавний снимок где-то на юге. Старомодное платье, шляпка, растерянные глаза.

Неожиданно из альбома выпала целая пачка журнальных вырезок.

Великий Скрипач перелистал их. С отвращением отбросил. Глянцевые странички заскользили по полу.

Конечно, он ведь не присылал ей своих снимков — не любил фотографироваться, хотя в последнее время и приходилось — положение обязывало. Это были вырезки из газет и журналов — статьи о нем, интервью с ним, его фотографии...

А вот — пожелтевший прямоугольник с затейливо вырезанным краем. Тощий мальчик лет десяти, в клетчатой рубашке и шортах. Со скрипкой.

Он тогда везде ходил с ней — с утра, потому что после музыкалки нужно было сразу бежать в школу «нормальную», вечером — потому что после уроков убегал заниматься в парк. В самый глухой его уголок, где посреди поляны зарастали травой останки гипсовой беседки. Здесь он мог часами работать на своей простенькой скрипке, изготовленной неким

уральским заводом с немыслимым названием «Госплитфанерамузинструмент».

Поначалу это было вынужденное бегство — стоило ему лишь тронуть смычком скрипку у себя в комнате, как соседи начинали иступленно стучать в стены, словно только и ждали возможности излить копившуюся весь день ненависть.

Благо, в их южном городе холода наступали поздно и длились недолго, так что заниматься в парке можно было почти круглый год.

Потом он стал находить удовольствие в таких занятиях — в полном одиночестве, не слыша обыденного шума многоквартирного дома, не видя стен в старых обоях.

Впрочем, скоро его одиночество перестало быть абсолютным. Однажды, когда он работал, на полянку из кустов вышел большой лохматый пес.

Великий Скрипач помнил, что совершенно тогда не испугался — вначале потому, что был полностью поглощен музыкой и смутно осознавал что происходит вокруг. А когда пьеса закончилась, пес лежал у беседки, уткнув длинную грустную морду в лапы, и прикрыв глаза. Шевелились только уши — пес слушал музыку.

Когда музыка умолкла, пес поднялся и, заметно прихрамывая, убрел в заросли.

Пес продолжал приходить каждый вечер, но никогда не пересекал черту, которую сам же для себя определил. Ложился, закрывал глаза и слушал. И всегда сразу уходил в конце занятия, каким-то непостижимым образом отличая его от пауз для отдыха.

В перерывах мальчик разговаривал со своим странным поклонником, а тот терпеливо выслушивал его детские проблемы и секреты. Правда, пес никак не реагировал, но говорить с ним было все же лучше, чем с каменными львами у основания беседки.

Потом... что же было потом? Великий Скрипач точно помнил, что в какой-то момент пес перестал приходить на его «концерты», но как и когда это произошло...

Кажется, тогда ему уже исполнилось четырнадцать... или пятнадцать... И он тогда впервые влюбился, как и «положено» в этом возрасте — безнадежно. Сейчас он уже не мог вспомнить ни имени своей тайной любви, ни почему, собственно, считал ее безнадежной. Скорее всего, просто потому, что, наивно вознеся одноклассницу на заведомо недостижимую высоту и упиваясь своими страданиями, он и не попытался обратить на себя ее внимание. Тогда же он объяснял сам себе, что не достоин ее любви: неприметный затюканный «ботаник» со впалой грудью и тонкими ручками-палочками, незначительный, неизвестный и — чего уж там — бедный.

В тот вечер он увидел ее в компании с какими-то старшеклассниками. Ничего особенного и не было в той подсмотренной сценке — просто один из парней особенным хозяйским жестом обнимал девушку за талию, а она — она смеялась...

Великий Скрипач помнил — в тот вечер он играл иступленно, смычок заставлял скрипку стонать, словно живое существо. Когда пальцы свело судорогой, он прекратил играть и сказал черному псу:

— Я буду самым великим скрипачом! Я буду самым известным! Я буду знаменитым и богатым. Любой ценой!

Пес встретился с ним усталыми, в сетке лопнувших сосудов — невозможно человеческими глазами, поднялся, тяжело вздохнул и, прихрамывая, удалился.

На следующий день выпал снег, пришла настоящая зима, и заниматься в парке стало невозможно. А потом уже пес не приходил — видимо, решил, что «концертов» больше не будет.

Как раз той же зимой, если память не изменяла Великому Скрипачу, его отправили на какой-то конкурс юных скрипачей, где он — неожиданно для всех — стал лауреатом.

Помня свою клятву, он раздобыл адреса музыкантов, входивших в жюри конкурса. Написал им. Сумел заинтересовать кого-то из известных, получить нужные рекомендации. Решился бросить все и с одним лишь полупустым чемоданчиком и скрипкой добраться из маленького южного городка в Москву.

Добиться прослушивания.

Занятий.

Поступить в консерваторию.

Это был первый, как потом оказалось — самый простой — шаг на пути к известности.

Там, где дети известных и заслуженных получали все «по праву рождения», ему приходилось воевать за каждую новую ступеньку. Воевать не по правилам.

Он доносил на своих сокурников — кто с кем спит, кто где пьет, кто якшается с иностранцами, фарцует, курит анашу, нюхает экзотический тогда для Москвы кокаин. Он обслуживал стареющих «светских львиц» и «светских львов» в их роскошных спальнях. Он подрезал струны у Первой Скрипки на первых своих гастролях и сделал так, что виноватым сочли Вторую, сумев в полыхнувшем скандале совершить удачную рокировку, поднявшись еще на пару ступенек. Когда тот же трюк попытались проделать с ним, он нанял «людей» переломать пальцы незадачливому конкуренту.

Это были ступени к его Цели и что с того, что «ступени» — живые? Где теперь все эти «золотые детки», которым всегда все доставалось на халяву? Смотрят его концерты, в лучшем случае — из зала, а большинство — по телевизору.

Он же — Великий Скрипач эпохи.

Руководитель (по сути — хозяин) оркестра, билеты на концерты которого в цивилизованных странах стоят баснословные суммы. Гениальный исполнитель, за право взять у которого интервью самые известные нюсмейкеры готовы продать душу, сфотографироваться с которым на память считают за честь главы правительств и президенты...

Он выпрямился. Тупо уставился в темноту за окном.

Он достиг Цели. Невероятно, но из всех тех миллионов детей, которые мечтают стать самыми-самыми, он — один из немногих — добился.

Ему было все равно.

Елочные игрушки оказались фальшивыми.

Не радовал солидный счет в банке, роскошные машины, томившиеся в подземном гараже особняка в элитном поселке. Не радовали ни толпы поклонников у концертных залов, ни сдержанные рукоплескания богемы — внутри. Не радовала красавица-жена, отдыхавшая сейчас непонятно от чего с гуттаперчевым своим мачо на побережье Мальты... Смешно, но он ее совершенно не ревновал. Осознав, что пора вести более респектабельную жизнь, он выбрал себе молодую, здоровую, красивую девицу из приличной семьи — идеальную мать для идеального потомства. Она выполнила свою роль — дети родились быстро, выросли здоровыми и, наверное, умными.

Он не испытывал к ним никаких чувств, разве что легкое недоумение — неужели это называют радостью отцовства?

Любовниц и любовников он перестал менять давно, в какой-то момент перестав замечать разницу между бывшими и новыми — они сливались перед его внутренним взором в некоего идеального андрогина без ярко выраженных черт, без души.

Он посмотрел на собственное отражение — нет, он еще не превратился в карикатурного старого сластолюбца, покупающего юные тела за деньги. Он еще крепок и красив в свои почти шестьдесят: благодаря режиму, благодаря врачам и косметологам — не без того. А главное — благодаря своему иступленному движению к Цели.

И все равно любили не его, а лишь того, кем он был — Великого Скрипача эпохи.

Что бы они сказали, что почувствовали бы, откройся им правда? Ведь он давно уже — просто тапер.

Нет, конечно, он по-прежнему исполнял сам. Разумеется, ни какой фонограммы — это было немислимо. Но...

В первый раз это случилось незаметно даже для него самого. Играя по десять концертов в месяц, перелетая при том из Москвы в Рим, оттуда — в Нью-Йорк, оттуда — в Токио, плюс репетиции, административные дела, склоки между музыкантами, контракты... Осознание происшедшего пришло позже — когда оркестр вернулся в Москву. Впрочем, особых переживаний тогда не было. Подумаешь, трагедия — разок отработал гастроль «без

души». Все равно из сотен тысяч услышавших поймут это, дай бог, сто человек. Да и те ничего не скажут, а если и скажут — кто их послушает? Он — легенда!

Великий Скрипач честно отрабатывал концерт за концертом — за десятилетия его техника стала безупречной, но это была только техника. Улыбался журналистам и фотографам счастливой улыбкой, позируя с женой етимиобакамиошадами. В интерьере. Во фраке. В домашнем. Со скрипкой Франческо Руджиери и со скрипкой Лоренцо Сториони.

С рассыпанных по полу глянцевых вырезок сверкал безупречной улыбкой манекен с пустым взглядом. Великий Скрипач посмотрел на кусок пожелтевшего картона в руке. Когда-то у него были другие глаза. Потому он и ненавидел фотографироваться, потому не посылал маме свои фотографии... а она все равно их увидела. Догадалась ли она? Почувствовала?

— Сатана... ты слышишь меня? Если ты существуешь, если моя душа хоть чего-то стоит... — он запнулся, чувствуя себя невыносимо глупо. До чего же он докатился — просить помощи у персонажей старых сказок...

Он обернулся на едва слышимый шорох. В углу напротив окна стоял очень высокий худощавый мужчина, как показалось Великому Скрипачу — в бесформенном черном плаще до пят. Человек поднял длинное бледное лицо в обрамлении черных прямых волос. Великому Скрипачу показалось, что он уже видел эти усталые глаза в лопнувших прожилках сосудов, скорбные складки у изогнутых в презрительной усмешке губ.

— Вы... вы кто? Как вы сюда вошли?

— Ты позвал меня. Вот я и пришел.

— Позвал? — Великий Скрипач осознал, что за спиной незнакомца больше нет стен, только обморочная пустота, сквозь которую тянулась, исчезая в бесконечности, черная тропинка. — Значит... значит ты существуешь?

— Да.

— Ты слышал мою просьбу? Я готов...

— Играй — оборвал человек в черном плаще и протянул ему скрипку. Складки плаща распрямились, распадаясь на длинные угольно-черные перья.

Великий Скрипач в недоумении уставился на ободранную рассохшуюся скрипку. «Госплитфанерамузинструмент». Ладно, пусть. Он привычно зажал скрипку плечом. Пробежал ловкими пальцами по струнам. Что же сыграть? Может быть вот это? Он начал играть знакомую, тысяч раз играную мелодию, но что-то было не так. Совсем не так.

Тогда — вот это...

Нет.

Это...

Он беспомощно опустил руки и посмотрел на ночного гостя, в надежде увидеть в его взгляде сочувствие, но увидел лишь презрительную жалость.

Великий Скрипач в бешенстве запустил скрипку в стену.

— Ты издеваешься?! Я же за тем и звал тебя...

— Извини. Тебе нечего мне предложить. — Черный человек повернулся к нему спиной и, слегка прихрамывая, пошел прочь.